Труд-7.-1996-
4 окт.-с.8

Людмила ГУРЧЕНКО:

«ПИШУ О ТОМ, ЧТО САМА ПЕРЕЖИЛА»

— Людмила Марковна, можете ли вы повторить слова классика, что всем лучшим в себе вы обязаны книгам?

— Всем лучшим в себе я обязана отцу. Войне — она на всю жизнь вооружила меня иммунитетом против лжи, предательства и подлости. Затем — кино и литературе.

— А самое первое потрясение от прочитанной книги помните?

— Конечно, помню. Я училась тогда в четвертом классе. Время было тяжелое, послевоенное. Учились устно, на слух. Не было не только книг, но даже тетрадей, ручек, учебников. Поэтому когда мне в руки попался «Спартак» Джованьоли — читаный-перечитаный, весь в жутких клочьях, то само по себе это было уже огромным событием. Помню, как трепетно листала я эти ветхие страницы, как мое воображение дорисовывало облик героев на месте полустертых, смутно угадываемых иллюстраций. Эта книга долго была моим единственным чтением, я росла и вырастала вместе с ней, постигая на судьбах персонажей, что есть любовь, совесть, мужество, честь, стыд...

А потом был Маяковский с его непостижимой «лесенкой», с оглушающими рифмами и ритмами. Я знала наизусть многие его стихи, досконально изучила биографию поэта. Если угодно, я влюбилась в Маяковского, а через него — в поэзию, литературу.

— С годами ваши вкусы, наверное, менялись?

— Разумеется. В зрелые годы пришло время «интеллектуальной» прозы. Меня буквально потрясала каждая новая прочитанная книга Камю, Кафки, Булгакова, Айтматова и особенно Кортасара. Кортасар — в полном смысле слова «мой» писатель, он необыкновенно много дал мне как актрисе. Его парадоксальная, фантасмагорическая манера письма заставила меня многое пересмотреть в своих профессиональных навыках.

— Стало быть, чтение для вас — это не только удовольствие, но и своеобразный профессиональный тренинг?

— В известной мере да. Актеру не из чего «строить» роль, кроме как из самого себя. И здесь все рано или поздно может пригодиться, будь то запавший в душу разговор с интересным собеседником, увиденный случайно показ мод или впечатление от взволновавшей твое воображение книги... В нужный момент это «срабатывает», подсказывая костюм, походку, манеру разговора или некую основополагающую черту в характере твоей героини. Мне мало довелось играть классику в кино и театре, но чтение настоящей литературы, например Толстого, конечно же, обогащало мои представления не только о минувшей эпохе, но и о современном женском характере.

— Кто из классиков вам ближе всего сегодня? Есть ли у вас автор или книга, которую вы пронесли через годы? Для меня, например, это «Темные аллеи» Бунина, которые я перечитываю едва ли не каждый год...

— Бунин или, скажем, Достоевский — великие писатели, гении. Но мне их сегодня читать тяжело. Драматизм изображаемой ими жизни буквально «давит» на меня. Я не умею читать холодно-равнодушным взором, я всегда «включаюсь» в описываемые события и буквально заболеваю ими. А на это сегодня у меня не хватает душевных сил. Поэтому с огромным наслаждением время от времени я перечитываю Пушкина. Он тоже бывает и язвительным, и горьким, но чаще излучает ту гармонию восприятия жизни, то нравственное и душевное здоровье, по которому я истосковалась. И в жизни, и в литературе.

ЛОТ 71

Людмила ГУРЧЕНКО
АПЛОДИСМЕНТЫ

Твердый переплет.
Суперобложка. 560 стр.

Цена — 27 000 рублей

— Какая книга лежит на вашем столе сегодня?

— В основном лежат непрочитанные газеты. Уследить хотя бы за ними. Тот читательский зуд, который когда-то гнал меня в букинистические лавки, в библиотеки, нынче пошел на убыль. Могла ли я десять — пятнадцать лет назад предположить, что буду спокойно проходить мимо прилавков с томиками русских философов, Фрейда, Ницше? Однако это так. Может, просто свободного времени стало меньше? Или все свои «главные» книги я уже прочитала? Но все-таки время от времени я читаю литературные новинки. В основном это исторические изыскания, посвященные судьбам наших великих предшественников — Петру I, Елизавете Петровне, Екатерине Второй... Эти, говоря слогом Геннадия Шпаликова, «путешествия в обратно» мне всегда в радость.

— Но вы ведь, Людмила Марковна, не только читатель, но и писатель...

— Надеюсь, вы это в шутку говорите? Я, разумеется, никакой не писатель. Я не могу сочинить какую-то вымышленную историю, не пробовала написать повесть или сценарий — пишу только о том, через что прошла, что сама пережила, перечувствовала. Книгу об отце меня буквально заставил написать Андрей Кончаловский, наслушавшись моих воспоминаний о войне, о послевоенном детстве. Он звонил по три раза на дню, спрашивал, сколько я написала. А я все не могла решиться начать... Сесть за письменный стол казалось мне занятием немыслимым. Я ведь и в школе складными сочинениями особо не блистала. То, что хотелось сказать, было никому не нужно, а «как надо» я писать не умела. В итоге получалось коряво, путано, мутно. Но моя нелегкая жизнь, годы без ролей, когда я ездила на встречи со зрителями, постепенно развили во мне дар рассказчика, который, как ни крути, обязан держать аудиторию. Устные рассказы — они ведь тоже требуют своей композиции, чувства формы, живых ситуаций, ярких деталей и характеров. Поэтому когда я села за «рабочий стол писателя», то все само собой на бумагу и полилось, хотя устный рассказ и написанная вещь — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

— У вашей книги об отце, я помню, был огромный успех...

— Я этого, признаться, не ожидала. Актрисе не привыкать к чужому вниманию, подчас досужему. Но тут хлынул поток исповедей, кровоточащих жизненных драм. Люди увидели во мне не «звезду», а человека схожей с ними судьбы, биографии. Многих моя книга, я знаю, вытащила из отчаяния, подарила надежду. Ради них я решила продолжить свое повествование. Так родились «Аплодисменты» — вторая часть моих воспоминаний, посвященных тому, как я преодолевала жизненные и профессиональные невзгоды, выползала из долгого забвения.

— Эта «дилогия», насколько мне известно, издается и переиздается, только за последние годы она выходила несколько раз. А третья часть, посвященная сегодняшнему дню, планируется?

—Такие вещи нельзя планировать. Должна накопиться «критическая масса» эмоций, впечатлений, раздумий о жизни, тогда, даст Бог, и потянет к столу. Пока таких импульсов нет. Сегодняшний жизненный материал должен отстояться, созреть во мне, ведь большое (а мы живем в эпоху больших перемен) действительно видится на расстоянии.

— Мы говорили с вами о литературе, но читатели нашей газеты не простят мне, если я не спрошу у вас о кино, о новых ролях.

— Мне сегодня интереснее работать в театре, чем в кино. Сцена дарит возможность прямого — глаза в глаза — общения со зрителем, которое я стала очень ценить. Сейчас с тонким, интеллигентным режиссером Леонидом Трушкиным я репетирую главную роль в спектакле «Недосягаемые» по остроумной, ироничной, мудрой пьесе Сомерсета Моэма. Словом, это настоящая литература, уже одно погружение в которую и есть счастье.

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.